

ЕЛЕНА КРЮКОВА

ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА

Елена Крюкова

Ветер

«Издательские решения»

Крюкова Е.

Ветер / Е. Крюкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930867-2

Гул колоколов и тишина звезд. Безумие сбивчивой речи и безмолвная клятва любви. Чужие жизни, ставшие родными. На огромной фреске, во тьме и в сполохах огня, по земле, а может, высоко над землей идут люди. Они идут из будущего в прошлое. Мы не помним их имена. Не слышим их голоса. Или — слышим и помним? С небес иных времен веет вечный ветер. По световой вспышке в ночи и порыву далекого ветра автор создает огромность масштаба — образного, временного, смыслового. Такова картина мира поэта.

ISBN 978-5-44-930867-2

© Крюкова Е.
© Издательские решения

Содержание

ВЕТЕР	6
Запах керосина – запах жизни	7
ФРЕСКА ПЕРВАЯ. ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ	9
«...Я выплыла в людское море...»	9
ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ. МЕТЕЛЬ	9
БЕГ	11
«Земля?!.. Вы кому расскажите...»	13
КЛАДОВКА	13
«Я из кибитки утлой тела...»	14
РОЖДЕСТВО	15
ЗВЕЗДЫ	17
«С размалеванными картинами...»	19
КУТЕЖ. ХУДОЖНИКИ	19
МАТЬ МАРИЯ	20
ГРАД АРМАГЕДДОН	22
КОЛЕСО	25
ДИТЯ ОВИДИЙ В БАНЕ	26
АНКОР, ЕЩЕ АНКОР!..	28
ЮРОДИВАЯ	29
ФРЕСКА ВТОРАЯ.	33
ЛЕДОХОД	33
«Как метро кофейные мельницы сыплют чернь ...»	34
ОБРИТАЯ САЛОМЕЯ	35
РИМ	36
«Этот мальчик, он явился...»	37
ТИТАНИК	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ветер

Елена Крюкова

Дизайнер обложки Владимир Фуфачев

© Елена Крюкова, 2018

© Владимир Фуфачев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-0867-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВЕТЕР

фрески

Гул колоколов и тишина звезд. Безумие сбивчивой речи и безмолвная клятва любви.
Чужие жизни, ставшие родными.

На огромной фреске, во тьме и сполохах огня, по земле, а может, высоко над землей идут
люди. Они идут из будущего в прошлое.

Мы не помним их имена. Не слышим их голоса.

Или – слышим и помним?

С небес иных времен веет вечный ветер.

По световой вспышке в ночи и порыву далекого ветра автор создает огромность масштаба – образного, временного, смыслового. Такова картина мира поэта.

Запах керосина – запах жизни

*В сем мире я поругана была.
На топчане распята. В морду бита.
И все ж – размах орлиного крыла
Меж рук, воздетых прямо от корыта.*

Елена Крюкова

Протягивая Адаму яблоко, не соблазняет. Кормит. Вытягивает с того света. Не в райских кущах происходит дело – скорее в джунглях, а по-нашему, «в тайгах», а еще более по-нашему – в бараке сезонников, в приемном покое дурдома, в преисподней метро. И она, поденка, сезонница, железнодорожка, прошедшая через стон вокзалов и вой кладбищ, не может обойтись без тысячелетних мифов, и вычитывает их из старинных книг, и все пытается соединить с этим стоном, с этим воем, с этим хрипом, с этим матом.

Христос у нее не по Тивериадской воде идет, Он бежит по тонкому байкальскому льду и, добежав, просит глоток водки, и на Него набрасывают тулуп.

Волоча крест по грязи, просит у встречного мужика курнуть. Магдалина – девочка с косичками... Целует ледяную ступню, рассыпая волосы по сугробу. Холодно. Снежной белизной замыкается черный путь. И не в «яслях лучезарных» эта жизнь начинается, а в «проходных дворах», в «дыму котельных». Вот это Рождество:

*Искусаны в кровь одичалые рты.
Никто не подходит. Храпят акушеры
В каптерке. И болью предродовой веры
Бугрятся божественные животы.*

Не рабский зрак – содомский. Когда-то безумная смелость требовалась от художника – сквозь божественное ослепление прорваться к реальности: написать Магдалину площадной девкой. Теперь безумная кротость требуется: написать площадную девку – Магдалиной. В нашем низком прозреть – высокое.

Катят в лимузинах «новые русские»; чернобыльские вдовы глядят вслед их выхлопам. Стучат топоры рубщиков на рынках, малиновым цветом горят скулы девок, и никто не скажет, что же это с нами: конец света? возрождение? припадание к христианским истокам? дикий взрыв языческой мощи?

Неважно. Так и так – любить.

«Язычники, отребье обезьяны, я так люблю, беспомощные, вас, дерущихся, слепых, поющих, пьяных, глядящих морем просоленных глаз...»

«Люблю» – слово слепящее, оно открывает наготу душ и немощь тел.

Оно роднит теперешнего афганского калеку с доходягой сорок шестого года, ведущим «по дегтю озерной волны» баржу с прогнившей картошкой. Довезет? Загнется? Смерть – таинство, смерть – быт. Детям варят желатин. За слиток масла платят золотом. За кусок проржавленного сала могут убить, как убили мужика «на Карповке». Запах керосина – запах жизни. Это жизнь, где война равна миру.

«Отец не плакал – он давал слезам затечь обратно в душу».

На той барже – отец, как явствует из биографических створов героини. А может, сын, как явствует из ее воспаленных чувств. Какая разница? Отец, сын, или муж – все едино в мире, равном войне, где надо спасать каждого. На то и женская душа, чтобы спасать, не различая, свой или чужой, потому что свои – все.

«Мои сыны они – и бледный лейтенант, и зэк пропащий».

В мужчине сила, в женщине слабость – ответил когда-то основоположник научного коммунизма на вопрос шуточной анкеты, невзначай сформулировав нешуточный принцип, на котором по традиции стоит человеческая природа.

В России, как всегда, все «наоборот»: российская реальность поменяла детей природы местами. В мужчине не чувствуется патентованной силы, и потому эту силу ищет в себе женщина. Не писаная красавица и не Магдалина с косичкой, а двужильная конь-баба, в морщинах, с иссохшей грудью, с распяленным ртом, с дощатыми углами плеч, со звонкими топорищами ключиц, с животом в рубцах. Только такая и справится.

*– Вставай, мужик, дурак, какой ты глупый —
Замерзнешь, задубеешь, заскулишь...
Тебя целую крепко прямо в губы
Прогоркло, пьяно дрогнувшие лишь.*

Такая оживит. Мертвого поднимет! Тут тебе не в горящую избу и не коня на скаку, тут – из духовного Чернобыля выволакиваться надо, и железных коней укрощать пожутче есенинских. И не традиционными средствами (соловей... роза... – в наших-то широтах?!), а тем спасать, что порождает и «соловья», и «розу», и весь эротический арсенал лирики на нашем колотуне.

«Ибо Эроса нет, а осталось лишь горе – любить».

Она любит. *«Невидяще, задохнуто, темно. Опаздывая, плача, проклиная. До пропасти. До счастья. До края...»*

Нижегородка Елена Крюкова, стихи которой я цитировал, – ярчайшее дарование в лирике последних лет. Но я не о «лирике». Я о женской душе, которая соединяет в нас концы и начала, упрямо вчитывая «русское Евангелие» в нашу неповторимую жизнь.

Лев Аннинский

ФРЕСКА ПЕРВАЯ. ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ

*«Бушуют окрест горы ветреные бури,
а туманное покрывало не шелохнется».*

о. Павел Флоренский, «Иконостас»

«...Я выплыла в людское море...»

*...Я выплыла в людское море
Из этой гавани табачной,
Где керосином пахнет горе
И в праздники – целуют смачно.
Я вышла – кочегар метели —
Из этой человеческой топки,
Из этой раскладной постели,
Где двое спят валетом знобким.
Я вылетела —
в дикий Космос —
Из ледяного умыванья
Под ручкомойником раскосьем,
Из скипидаром – растиранья
При зимней огненной простуде,
Из общих коридоров жалких,
Смеясь и плача, вышла в люди
Из той людской, где все – вповалку.*

ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ. МЕТЕЛЬ

Я была такой маленькой, маленькой.
В жгучей шубе пуховой.
Непрожаренной булочкой маковой
в пирожковой грошовой.

Тертой в баньке неистойой матерью —
Чингисханской мочалкой.
Оснеженной церковною маковкой —
занебесной нахалкой.

Над молочными стылыми водами... —
плодными ли, грудными... —
Я шагала январскими бродами
и мостами пустыми.

Грызла пряник на рынке богатеньком —

винограды в сугробах!..
Надо мной хохотали солдатики,
за полшага до гроба...

Пил отец и буянил торжественно...
Мать – мне горло лечила...
Я не знала тогда, что я – Женщина,
что я – Певчая Сила.

Мне икру покупали... блины пекли!..
Ночью – корку глодали...
Вот и вылились слезы, все вытекли,
пока мы голодали...

Это после я билась и мучилась,
била камни и сваи...
Я не знала, что – Райская Музыка,
что – в Раю проживаю...

Что снега васильковые мартовские
под крестами нечищеными —
Это Рай для хохочущей, маленькой,
херувимочьей жизни...

Светлый Рай!.. – со свистками и дудками
молодых хулиганов,
С рынка тетками, толстыми утками, —
боты в виде наганов, —

С пристанями, шкатулками Царскими,
где слюда ледохода, —
То ль в Хвалынское, а может, в Карское —
твой фарватер, свобода!.. —

Рай в варенье, в тазу, в красных сливинах!
В куржаке, как в кержацких
Кружевах!.. Рай в серебряных ливнях,
Рай в пельменных босяцких!..

Майский Рай синих стекол надраенных!..
Яшмы луж под забором!..
Рай, где кошки поют за сараями —
ах, архангельским хором!..

Ангелицы, и вы не безгрешные.
В сердце – жадная жила.
Я не знала – орлом либо решкою! —
где, когда – согрешила.

Где я сгрызла треклятое яблоко,
в пыль и в сок изжевала!..
Где надела преступные яхонты,
Зверя где целовала...

Мать завывла. Собака заплакала.
Рвал отец волосенки.
Поднял Ангел свечу: оземь капала
воском горьким и тонким.

Затрубили из облак громадные,
несносимые звуки.
В грудь, в хребет ударили – с парадного —
костоломные руки.

И воздел Ангел меч окровавленный,
Как солдат, первым злом одурманенный,
«Вон!» – мечом указал мне:
На метель, острым рельсом израненную,
На кристаллы вокзалов.

Вот твой путь, сумасшедшая грешница.
Вот повозка стальная.
Вот трясутся кровать и столешница
на булыжниках Рая.

И заплакала я. И метелица
била в ребра, как выстрел.
Жизнь, ты бисер! Ты килька, безделица!
Черный жемчуг бурмистров!

Пиво в Райской канистре шоферичьей...
Дай хоть им поторгую...

...об изгнании из Рая – без горечи
И без слез... – не могу я...

БЕГ

Останови! – Замучились вконец:
Хватаем воздух ртом, ноздрями,
С поклажей, чадами, – где мать, а где отец,
Где панихидных свечек пламя, —

По суховеям, по метелям хищных рельс,
По тракту, колее, по шляху, —
Прощанья нет, ведь времени в обрез! —

И ни бесстрашия, ни страха, —

Бежим, бежим...

Истоптана страна!

Ее хребет проломлен сапогами.

И во хрустальном зале ожидания, где она,

Зареванная, спит, где под ногами —

Окурки, кошки, сироты, телег

Ремни, и чемоданы, и корзины, —

Кричу: останови, прерви сей Бег,

Перевяжи, рассекнув, пуповину!

Неужто не родимся никогда?!

Неужто – по заклатью ли, обету —

Одна осталась дикая беда:

Лететь, бежать, чадить по белу свету?!

Ползти ползком, и умирать ничком —

На стритах-авеню, куда бежали,

В морозной полночи меж Марсом и стожком,

Куда Макар телят гонял едва ли...

Беги, народ! Беги, покуда цел,

Покуда жив – за всей жратвою нищей,

За всеми песнями, что хрипло перепел

Под звездной люстрой барака и кладбища!

Беги – и в роддома и в детдома,

Хватай, пока не поздно, пацаняток,

Пока в безлюбье не скатил с ума,

Не выстыл весь – от маковки до пяток!

Кричу: останови!.. – Не удержать.

Лишь крылья кацавеек отлетают...

Беги, пока тебе дано бежать,

Пока следы поземка замечает.

И, прямо на меня, наперерез,

Скривясь на табло, как бы от боли,

Патлатая, баулы вперевес,

Малой – на локте, старший – при подоле,

Невидяще, задохнуто, темно,

Опаздывая, плача, проклиная...

Беги! Остановить не суждено.

До пропасти.

До счастья.

До края.

«Земля?!.. Вы кому расскажите...»

*Земля?!.. Вы кому расскажите.
А воля?!.. – пропита дотла.
В парче грязнобурые нити
Двуглавого вышьют орла.
А мы его ножичком в спорем
И выпорем золото лет.
А мы о Священном не спорим:
Ведь нынче Священного нет.
Ты можешь мне врать, завираться,
Ладонь прижимать ко груди,
Ночьми перемалывать Святыцы,
Молить и снега, и дожди!.. —
Не верю. Ни слову не верю!
Ни лику! Ни слезной скуле!
Закреты Небесные двери.
Поземка метет по земле.*

КЛАДОВКА

...Старый граф Борис Иваныч,
гриб ты, высохший на нитке
Длинной жизни, – дай мне на ночь
поглядеть твои открытки.
Буквой «ЯТЬ» и буквой «ФИТА»
запряженные кареты —
У Царицы грудь открыта,
Солнцем веера согреты...
Царский выезд на охоту...
Царских дочек одеянья —
Перед тем тифозным годом,
где – стрельба и подаянье...
Мать твоя в Стамбул сбежала —
гроздьями свисали люди
С Корабля Всея Державы,
чьи набухли кровью груди...
Беспризорник, вензель в ложке
краденый, штрафная рота, —
Что, старик, глядишь сторожо
в ночь, как бы зовешь кого-то?!
Царских дочек расстреляли.
И Царицу закололи.
Ты в кладовке, в одеяле,

держишь слезы барской боли —
Аметисты и гранаты,
виноградины-кулоны —
Капли крови на распятых
ротах, взводах, батальонах...

Старый граф! Борис Иваныч!
Обменяй кольцо на пищу,
Расскажи мне сказку на ночь
о Великом Царстве Нищих!
Почитай из толстой книжки,
что из мертвых все воскреснут —
До хрипенья, до одышки,
чтобы сердцу стало тесно!
В школе так нам не читают.
Над богами там хохочут.
Нас цитатами пытаются.
Нас командами щекочут.
Почитай, Борис Иваныч,
из пятнистой – в воске! – книжки...
Мы уйдем с тобою... за ночь...
я – девчонка... ты – мальчишка...
Рыбу с лодки удишь ловко...
Речь – французская... красивый...

А в открытую кладовку
тянет с кухни керосином.
И меня ты укрываешь
грубым, в космах, одеялом
И молитву мне читаешь,
чтоб из мертвых – я – восстала.

«Я из кибитки утлой тела...»

*Я из кибитки утлой тела
Гляжу на бешено гудящий подо мной
Огромный мир, чужой. Я не успела
Побывать в нем илюхой и женой.
А только побывала я танцовщицей
На золотых балах у голых королей;
А только побывала я в нем царицей
Своей любви,
Любви своей.*

РОЖДЕСТВО

Рычала метель, будто зверь из норы.
Летел дикий снег. Жженный остов завода
Мертво возлежал под огнем небосвода.
Зияли, курясь, проходные дворы.
Трамваи – цыганские бубны – во тьме
Гремели. Их дуги – венцами горели,
Сквозь веко окна ослепляя постели —
В чаду богадельни и в старой тюрьме.
Куда-то веселые тетки брели.
В молочном буране их скулы – малиной
Пылали! За ними – приبلудная псина
Во пряничной вьюге горелой земли
Тянулась. Кровавые гасли витрины.
Спиралью вихрился автобусный смог.
Народ отдыхал. Он давно изнемог
Нести свое тело и душу с повинной
И класть их, живые, у каменных ног.

Тяжелые трубы, стальные гробы,
Угодья фабричные, лестниц пожарных
Скелеты – все спало, устав от борьбы —
От хлорных больниц до вагонов товарных.
Все спало. Ворочалось тяжело во сне —
В милициях пыльных, на складах мышинных,
В суконных артелях, в церковном огне,
Где ночью все помыслы – непогрешимы...

Ночь темной торпедой по белому шла,
По белому свету, песцовому дыму
Котельных, где – Господи! – мало тепла
Для всех наших милых, так жарко – любимых...
Шла смертная ночь – тем подобьем смертей,
Что мы проживем еще – каждый как может, —
Шла бредом дитяти, морозом по коже
И пьяными воплями поздних гостей...
Спи, мир, отдыхай! Ночь на это дана.
Труд выжег всю плоть. Сохрани душу живу.
В казенных рубахах святых индпошивов
Спи, свет мой, калека, слепая страна...

Но дом был на улице. Номер с него
Бураном сорвало. Обмерзлые ветки
Гремели по стрехам. А там – торжество
Творилось: на радость потомкам и предкам.
Искусаны в кровь одичалые рты.

Никто не подходит. Храпят акушеры
В каптерке. И болью предродовой веры
Бугрятся божественные животы.

И, выгнувшись луком, Мария зовет
Сиделку, пьянея, дурея от боли...
О люди вы, люди, не слышите, что ли!
Он – вот Он, приходит, рождается, вот!
Вот – темя сияет меж ног исступленных!
А свет золотой! А в крови простыня!
Так вот чем кончаются царства и троны...
– Мария, Мария, ты слышишь меня!

Идет Он на свет не в яслях лучезарных,
Где плачет овца, улыбается вол, —
В гудках пассажирских, в крушеньях товарных,
В домах, где – кутьями уставленный стол!
Идет Он на свет не под нежные губы,
Мария, твои, – а под ругань блатных,
Под грузчицкий хохот, буфетчицам любый,
Под матерный посвист и водочный дых!
Идет Его бедное тельце, сияя
Щуренком в протоке – во смрады громад
Фабричных предместий, машинного Рая,
Где волк человеку – товарищ и брат...
Да, Господи Боже, досталось родиться
Вот именно здесь, в оголтелой земле,
Где в трубах метро преисподние лица
Летят, как снега по дегтярной зиме!
Да, мальчик, сынок, пей до дна эту чашу:
Такую нигде уже не поднесут —
Последний приют заметелен и страшен,
И ученики – от Креста не спасут...

Кричи же, Мария! Пустынна палата.
Кричи же, родная! О счастье – кричать,
Пока ты – звериным усиьем – распята,
Пока на устах твоих – вопля печать!
Ори! Это счастье – все выкричать в лица
Наемных врачей и воровок-сестер,
И криком родильным – и клясть, и молиться
На сытый очаг, погребальный костер,
И в небо упертые копыа коленей
Внезапно – до хруста костей – развести,
И вытолкнуть – Бога иных поколений!..

...И крик оборвется.
Помилуй. Прости.
Обмоют. Затянут в больничную ветошь.

Придут с молоком и лимоном волхвы.
И станет метель Ему – Ветхим Заветом,
Твердимым устами российской молвы.
Он будет учиться любви у старцев
На овощебазах да на пристанях.
Он с первой любимой не сможет расстаться
На грозном вокзале, в дымах и огнях...
Ему ляжет Русь и мазутом и солью
Под легкие, злые мальчишьи ступни...

Бери эту землю.
Болей этой болью.
Прости.
И помилуй.
Спаси.
Сохрани.

ЗВЕЗДЫ

Афганские звезды, русские,
полярные ли, якутские...
То вдруг на взлете взрываются...
то вышивкою искусною...
над нашими, над всехными,
над головами – падают...
над крышами и безлюдием...
над жизнью и над падалью...
Наставь телескоп и мучайся,
лови в окуляр ускользящий
ночной дозор со знаменами,
возлюбленной рот рыдающий...
Денеб, Альтаир, жар Лебеда...
погоны его генеральские...
ах, звезды эти хинганские...
кабульские... и – уральские...
Металл ожжет тебе веко...
век лови, ускользает золото
любимой звезды, военное...
пустыня зимнего холода...
На борт вертолета спящего —
метельной крупкой —
под выхлестом
чужого ветра – так сыплются:
последнего страха выплеском...
Вы, звезды... вы гвозди смертные!..
бессмертье ваше все лживое...
Вы вместе с нами уходите

туда, где больше не живы мы...
Не жили мы... только пелись мы...
губами чужими, чудными...
где выстрел – крестом под рубахою...
а взрыв – звездой нагрудною...
Твой орден! – в шкафу, за стеклами,
за пахнувшей смолкой ватю...
Ты годен! – к службе пожизненной,
а это небо – лишь мягкое
хэбэ, брезент продырявленный...
шасси – костыли для Господа
шального, войной отравленного,
простреленного всеми звездами...
Следи: Капелла и Сириус,
и Ригель – хвощи морозные...
И линзой живой и слезною
крести времена беззвездные!
Ни сын в колыбели, ни – пламенем —
жена за плечом бессонная —
не знают, как вспыхнут – в будущем —
бензинные баки бездонные
на той войне необъявленной,
под теми звездами синими,
пустынными и полынными,
жесточе горного инея,
железней ракет и «стингеров»,
острее крика любовного —
под Марсом, кровавым орденом, —
больнее, роднее кровного...
А я... лишь плакать, молиться ли...
лишь праздновать – рюмка холодная...
Любить эти звезды красные,
погибшие и свободные;
любить, ничего не требовать
взамен, и солено-влажное
лицо поднимать в ночи к огням:
родные мои... отважные...
Родные мои... мальчишечки...
таджики, киргизы, русские...
ефрейторы... лейтенанты ли...
амурские ли, якутские...
По шляпку серебряну вбитые
в гроб неба, черный, сияющий,
огромным миром забытые...
Мицар, Бенетнаш рыдающий...

«С размалеванными картинами...»

*С размалеванными картинами
У гостиниц и иных сижу.
Меж нарисованными каминами
Греюсь; пальцем по ним вою.*

*Руку в варежку песью засовываю.
Купи живопись, воробей!..
Я устала есть похлебку нарисованную
Нарисованной ложкой своей.*

КУТЕЖ. ХУДОЖНИКИ

Поле боя – все дымится:
рюмки, руки и холсты.
Дико пламенеют лица,
беззастенчиво просты.

Пьяным – легче: жизнь такая —
все забудешь, все поймешь.
Над тарашкою сверкает
именной рыбацкий нож.

Это Витя, это Коля, это Костя и Олег
Разгулялися на воле, позабыв жестокий век.

И домашние скандалы.
И тюрьму очередей.
И дешевые кораллы
меж возлюбленных грудей...

Костя, беленькой налей-ка
под жирнушую чехонь!..
Вьюга свиритит жалейкой.
В рюмке – языком – огонь.

Колька, колорист, – не ты ли
спирт поджег в рюмахе той?!..
Да, затем на свете были
мы – и грешник, и святой, —

Чтоб не в линзу водяную ложь экрана наблюдать —
Чтобы девку площадную Магдалиной написать,

Чтобы плакать густо, пьяно от бескрасочной тоски,
Лик холщовый, деревянный уронивши в сгиб руки,

Потому как жизнь и сила – в малевании холста,
Потому как вся Россия без художников – пуста!

Первобытной лунной тягой,
грязью вырванных корней
Мы писать на красных флагах
будем лики наших дней!

По углам сияют мыши
вологодским серебром...
Ничего, что пьяно дышим.
Не дальтоники. Не врем.

Дай бутылку!.. Это ж чудо... Слабаку – не по плечу...
Так я чохом и простуду, и забвение лечу.

Стукнувшись слепыми лбами,
лики обмакнув в вино,
Мы приложимся губами
к той холстине, где темно...

И пройдет по сьене жженой —
где вокзал и где барак —
Упоенно, напряженно —
вольной страсти тайный знак!

Ну же, Костя, где гитара?!..
Пой – и все грехи прощай!..
Этот холст, безумно старый,
мастихином не счищай...

Изнутри горят лимоны.
Пепел сыплется в курей.
Все дымней. Все изнуренней.
Все больнее и дурей.

И, хмелея, тянет Витя опорожненный стакан:
– Наливайте... Не томите...
Хоть однажды – буду пьян...

МАТЬ МАРИЯ

Выйду на площадь... Близ булочной – гам,
Толк воробьиный...

Скальпель поземки ведет по ногам,
Белую глиной
Липнет к подошвам... Кто ТАМ?.. Человек?..
Сгорбившись – в черном:
Траурный плат – до монашеских век,
Смотрит упорно...

Я узнаю тебя. О! Не в свечах,
Что зажигала,
И не в алмазных и скорбных стихах,
Что бормотала
Над умирающей дочерью, – не
В сытных обедах
Для бедноты, – не в посмертном огне —
Пеплом по следу
За крематорием лагерным, – Ты!..
Баба, живая...
Мать Мария, опричь красоты
Жизнь проживаю, —
Вот и сподобилась, вот я и зрю
Щек темных голод...
Что ж Ты пришла сюда, встречу январю,
В гибнущий город?..
Там, во Париже, на узкой Лурмель,
Запах картошки
Питерской, – а за иконой – метель —
Охтинской кошкой...
Там, в Равенсбрюке, где казнь – это быт,
Благость для тела, —
Варит рука и знаменье творит —
Делает дело...
Что же сюда Ты, в раскосый вертеп,
В склад магазинный,
Где вперемешку – смарагды, и хлеб,
И дух бензинный?!..
Где в ополовнике чистых небес —
Варево Ада:
Девки-колибри, торговец, что бес,
Стыдное стадо?!
Мать Мария, да то – Вавилон!
Все здесь прогнило
До сердцевины, до млечных пелен, —
Ты уловила?..
Ты угадала, куда Ты пришла
Из запределья —
Молимся в храме, где сырость и мгла,
В срамном приделе...

– Вижу, все вижу, родная моя.

Глотки да крикнут!
Очи да зрят!.. Но в ночи бытия
Обры изникнут.
Вижу, свидетельствую: то конец.
Одр деревянный.
Бражница мать. Доходяга отец.
Сын окаянный.
Музыка – волком бежит по степи,
Скалится дико...
Но говорю тебе: не разлюби
Горнего лика!
Мы, человеки, крутятся и мечась,
Тут умираем
Лишь для того, чтобы слякоть и грязь
Глянули – Раем!
Вертят богачки куничьи хвосты —
Дети приюта...
Мы умираем?.. Ох, дура же ты:
Лишь на минуту!..
Я в небесах проживаю теперь.
Но, коли худо, —
Мне отворяется царская дверь
Света и чуда,
И я схожу во казарму, в тюрьму,
Во плащ-палатку,
Чтоб от любви, вперяясь во тьму,
Плакали сладко,
Чтобы, шепча: «Боже, грешных прости!..» —
Нежностью чтобы пронзаясь до кости,
Хлеб и монету
Бедным совали из потной горсти,
Горбясь по свету.

ГРАД АРМАГЕДДОН

I.
...Всею тяжестью. Всем молотом. Всем дном
Дворов и свалок. Станций. Площадей.
Всем небоскребом рухнувшим. Всем Днем —
О если б Судным! – меж чужих людей.

Всем слэнгом проклятушим. Языком,
Где запросто двенадцать сплелись.
Всем групповым насильем. И замком
Амбарным – на двери, где шавка – ввысь

Скулит так тонко!.. безнадежно так... —

Всем каменным, огнистым животом —
Обвалом, селем навалился мрак,
Сколькиконечным?.. – не сочтешь! – крестом.

Мне душно, лютый град Армагеддон.
Из твоего подвала – вон, на свет
Рождаясь, выпускаем рыбий стон
В январский пляс над головой – планет.

Да, в метрике царапали: «Арма-
геддонский исполком и райсовет...»
Тех слов не знают. Им – сводить с ума
Грядущих, тех, кого в помине нет.

А я пацанка. Флажное шитье
Да галстучная кройка впопыхах.
С вокзальных башен брызнет воронье,
Когда иду со знаменем в руках.

Так сквозь асфальт – слеза зеленых трав.
Так из абортниц – мать: «Я сохраню!»
Средь серп-и-молот-краснозвездных слав —
Оставьте место Божьему огню...

Но давит Тьма. Сменили ярлыки,
А глыба катит, прижимает плоть.
Ни напряженьем молодой тоски,
Ни яростью ее не побороть.

Ни яростью, ни старостью, – а жить
Нам здесь! Да здесь и умирать!
На площади блаженный шепчет: «Пить».
И фарисей – неслышно: «...твою мать».

Нет жалости. В помине нет любви.
Нет умиранья. Воскрешенья – нет.
Ну что же, град Армагеддон, – живи!
В пустыне неба твой горящий след.

И я, в твоём роддоме крещена
Злом, пылью, паутиной, сквозняком, —
Твоим мужам бессильным я – жена,
Да выбью стекла сорванным замком.

Из гневных флагов котому сошью!
Скитальный плащ – из транспарантного холста!
Армагеддон, прости судьбу мою.
Мне здесь не жить. Нет над тобой креста.

Я ухожу, смеясь, в широкий мир.
Кайлом и стиркой руки облуплю.
Продута ветром грудь моя до дыр!
Да ветер больше жизни я люблю.

II.

В горьких трущобах со сводами тюрем,
В норах казарменной кладки,
В острых дымах наркотических курев —
Живо, наружу, ребятаки!

Сладкие роды. Сопливые бабы.
Молот и серп – над локтями.
Сдерните эти нашивки хотя бы —
Рвите зубами, когтями!

Очередь улиц на детоубийство,
Бабы, занять опоздали.
Черной поденкой вы плод погубили,
Праздником – вновь нагуляли.

Праздник-душа: демонстрация, флаги,
Радио, зельц да вишневка,
Да из бумаги навертим, бедняги,
Красных гвоздик под «Каховку»!

С этих дождей-кумачей забрюхатев,
Выносив четкие сроки,
В горьких трущобах рожаю дитятю,
Жилисто вытянув ноги:

Ну же, беги, несмышленный бубенчик,
В Гарлем лабазов и складов,
В ночи разъездов, где винный путейщик
Перебирает наряды

Белых метелей, в дымы новостроек —
Брызнули ржавые крепи!
Режь головенкой солдатскою, стоек,
Сцепки, и спайки, и цепи!

Мать – обрекаю тебя я на голод,
На изучение грамот,
Где иероглифы – МОЛОТ И ХОЛОД —
Спят в заколоченных рамах.

Мать – я толкаю тебя из утробы:
В нежном вине ты там плавал!.. —

В гарь полустанков, в тугие сугробы,
В ветра белесую лаву.

Я изработалась?.. – Факел подхватишь.
Быстро обучишься делу.
...Картой Луны – потолок над кроватью.
Мучась, ломается тело.

Все я запомню. Сырую известку.
Содранную штукатурку.
И акушерку, что матерно-хлестко
Боль отдирала, как шкурку.

Вышит на шапочке – крест ли багряный?..
Серп-ли-наш-молот?.. – не вижу.
Выскользнул сын из меня, окаянной.
Ветер нутро мое лижет.

Ветер, ломяся до сердца упрямо,
Злые пустоты остудит.
Здравствуй, лисенок мой. Я твоя мама.
Пусть будет с нами, что будет.

КОЛЕСО

...Ты эту девку взял, хоть крепко руками цеплялась
За колесо. Спину – хлесь! – выгнула плетью она.
Ты ей колени коленом прижал. Змеей извивалась,
Синим эвксинским ужом, что плавает вместо вина
В козьем седом бурдюке. Как, глотку расширив, орала!
Ты ее крик ухватил мохнатым, распяленным ртом —
Да и выпил до дна. А пятками землю вскопала —
Ноги когда раздвигал, налегал когда животом.
Экая девка сподобилась! Хуже родимой волчицы,
Капитолийской, с двенадцатью парами злобных сосцов.
Как изо рта ее – всласть! – надобно жизни напиток.
Как во нутро ее – всклень! – влить влагу первых отцов.
Может, волчата пойдут. Слепые кутята, щенята.
Словно борщевник – ладонь, зубы разрежут восток.

Девка, не бейся, пригвождена,
пред ветхой телегой распята;
Снег на дерюге горит; кровь утекает в песок.

И, пока хнычешь, меня, римлянского дядьку, целуя,
Чтобы я золота дал, чтоб не излился в меха, —
Я прижимаю босою ногой рыбку, пятку босою, —

Пот любви – кипятком – как обдаст! И глуха,
Девка, хотя, ты к любви, телица, ревица, белуга,
Ты, на остроге моей бьющаяся колесом! —
Я заключаю с тобою подобие звездного круга.
Я не железом давлю – я над тобой невесом.
И, пока бык от телеги косит на меня Альтаиром,
Сириус-глазом косит, лдяную крупку копытом топча!.. —
Девке, кусая ей ухо, шепчу я слова, позлащенные миром,
Мирром слащенные, спущенные виссоном с плеча:
**КТО ТЫ БОГИНЯ ЛИ ЖЕНЩИНА ДАЙ МНЕ УТРОБУ
И ДУШУ
ВИННАЯ СЛАДКАЯ ЯГОДА ДАЙ РАЗДАВЛЮ ЯЗЫКОМ**

Снег нас – двойную звезду – свистя, засыпает и тушит:
В корчах, в поту, под телегой,
под каменным черным быком.
Лишь Колесо на нас глянет. А в нем скрещаются спицы.
В нем – сшибаются люди. Сгущается темень и вой.
Чуть повернется – отрежет от Времени, где не родиться.
Девка, бейся, вопи. Тебя, покуда живой,
Так возлюблю, что царям в золотых одежонках не снилось!
Так растерзаю, – волки Борисфена клочка не найдут!..
Рвись же, кряхти, ори, мне царапай лицо, сделай милость.
Ведь все равно все умрут. Ведь все равно все умрут.

ДИТЯ ОВИДИЙ В БАНЕ

Ах, баня... воды с высоты...
и волчьи пламенные крики
людей, чьи красны животы
и дымно-кочегарны лики...
Свод зелен – малахит тяжел —
чрез пар тела горят огнями...
И каждый – беззащитно-гол,
шов на рубце, и шрам на шраме...
Клубятся тел золотых дымы...
в подмышках – ужас угнездился...
Мы – голыми – из чрева. Мы —
наги – на ложе: кто влюбился.
Мерцают потно: грудь, живот,
и чресла – ягодою виснут...
Мы люди. Всяк из нас – умрет.
Нас в землю грязную затиснут —
не спросят, кто нас обмывал,
кто в погребальные рубашки,
слепяще-чистых, наряжал...
и так во тьме замрем, букашки,

в дощатых длинных кораблях,
сработанных по росту, точно...
Ах, баня, мальчик вот, в слезах —
он в зеркало глядит нарочно,
он видит!.. – амальгама – дрянь...
сползает... отражает еле
старуху, ржавую как скань, —
она забыла в колыбели
себя... и груди – козы – врозь —
девчонки рядом с ней... из чана
льет на старуху: друзу, гроздь,
хрусталь и слиток, сон тумана,
гремящий ливень, водопад —
воды?!.. из чана?!.. ЭТО – баня?!.. —
Льет – жизнь, что не придет назад, —
лови: морщинами, губами...
Льет – слезы!.. Поцелуй – льет!..
Мальчонка, что на баб ты голых
так пялишься?!.. раззявив рот,
глядишь на них, парных, веселых?!..
Им на тебя, пацан, плевать.
Уж больно хороша парилка.
Трет дочь мочалкой жесткой – мать.
С гранитных плит крадет обмылки.
Дрожит слезою меж грудей
алмаз – у молодой. У старой
зад шире римских площадей,
и задохнулась от угара,
и ловит воздух черным ртом...
Гляди, малец, как это просто —
вот так и мы как раз умрем,
в парных клубах увидя звезды...
Вот так – вон, в зеркале – гляди —
обнимемся, застыв улиткой,
в любви, – а там – пойдут дожди,
пойдут косящие дожди —
к помывке собирай пожитки...
И, плача, – невозвратный путь!.. —
увидишь в амальгаме мыльной:
во тьме горит сосцами грудь,
глаза, – а дале – мрак могильный...
А дале, в духоте, во мгле —
малек, два зуба, щеки – красны:
как банный пар навеселе,
как меж грудей алмаз опасный,
ты верил в то, что жизнь прекрасна.
ТЫ БЫЛ РЕБЕНКОМ НА ЗЕМЛЕ.

АНКОР, ЕЩЕ АНКОР!..

В табачной пещере, где дым, как щегол,
Порхает по темным закутам,
Где форточка, будто Великий Могол,
Сощурилась мерзлым салютом,

Где добрая сотня бутылей пустых
В рост, как на плацу, подровнялась... —
О, сколько штрафных этих рюмок шальных
За мощным столом подымалось!.. —

Где масляных, винных ли пятен не счесть
На драной когтями обивке, —
В каморе, где жизнь наша – как она есть,
Не сахар, не взбитые сливки, —

Один, человек на диване лежал,
На ложе в ежовых пружинах,
Тощей, востроносый, – ну чисто кинжал —
Махни, и вонзается в спину...

Он пьян был в дымину. Колодою карт
Конверты пред ним раскидались...
Он выжил в слепом транспортере – то фарт!
И пули за ним не угнались...

Да только от воплей на минных плато,
От крика тех танков горящих
Он нынче в постель надевает пальто
И мерзнет! – теперь, в настоящем...

Ничем не согреться. Хлестай не хлестай
Подкрашенную хной отраву...
Яичница стынет. Полночный наш Рай.
Ад прожит: красиво, на славу...

Зазубрины люстры... Свечи мыший хвост...
И Жучка – комок рыжемордый...
Взы, Жучка!.. Ну, прыгай – и в небо до звезд,
И в петлю: дворняги не горды!..

Ах, дворничиха, ах, дворянка моя,
Ну, прыгай же ты... через палку —
Свеча догорает... а в кипе белья —
Скелет, что пора бы... на свалку...

Еще, моя Жучка!.. Анкор... эй, анкор!..
Вот так-то, смиряйся, зверюга,
Как мы, когда – из автомата – в упор,
Пред телом веселого друга,

Под глазом приказа, в вонючем плену,
Над почтой, где очи... не чают...
Полай ты, собака, повой на Луну —
Авось нам с тобой полегчает...

Ну, прыгай!.. Анкор, моя моська!.. Анкор!..
Заврались мы, нас ли заврали —
Плевать!.. Но в груди все хрипит дивный хор —
О том, как мы там умирали!

Как слезно сверкает в лучах Гиндукуш!..
Как спиртом я кровь заливаю...
Анкор, моя шавка!.. Наградю – куш:
Кость белая, кус каравая...

Мы все проигрались.
Мы вышли в расход.
Свеча прогорела до плоски.
И, ежели встану и крикну: «Вперед!..» —
За мной – лишь собаки да кошки...

Что, Армия, выкуси боль и позор!
А сколь огольцов там, в казармах...
Анкор, моя жизнь гулевая,
анкор,
Мой грязный щенок лучезарный.

ЮРОДИВАЯ

Ох, да возьму черпак, по головушке – бряк!..
Ох, да справа – черный флаг,
слева – Андреевский флаг...
А клубничным умоюсь, а брусничным – утрусь:
Ох ты флажная, сермяжная, продажная Русь!..
Эк, тебя затоптал закордонный петух!
Песнопевец твой глух, и гусяр твой глух:
Че бренчите хмурь в переходах метро?..
Дай-кось мужнино мне, изможденно ребро —
Я обратно в него – супротив Писанья! – взойду:
Утомилася жить на крутом холоду!..

...Лягу на пузо. Землю целую.

Землю целую и ем.
Так я люблю ее – напропалую.
Пальцами. Звездами. Всем.

Дай мне билетик!..
Дай мне талончик!..
Я погадаю на нем:
Жить нам без хлеба, без оболочек,
Грозным гореть огнем.

Рот мой сияет – ох, белозубо!
Жмурюсь и вижу: скелет
Рыбий, и водкою пахнут губы,
И в кобуре – пистолет...

Вот оно, зри – грядущее наше:
Выстрелы – в спину, грудь,
Площадь – полная крови чаша,
С коей нам пену сдутъ.

...Эй-эй, пацан лохматенький, ты за штанину – цап!
В каких ты кинах видывал грудастых голых баб?!
Да, змеями, да, жалами, огнями заплетясь,
Из вас никто не щупывал нагой хребтиной – грязь!
Из вас никто не леживал в сугробном серебре,
Из вас никто не видывал, как пляшет на ребре,
На животе сияющем – поземка-сволота!..
А это я с возлюбленным – коломенска верста —
Лежу под пылкой вывеской харчевни для господ —
Эх, братья мои нищие! Потешим-ка народ!
Разденемся – увалимся – и вот оно, кино:
Куржак, мороз на Сретенье, мы красны как вино,
Мы голые, мы босые – гляди, народ, гляди,
Как плачу я, блаженная, у друга на груди,
Как сладко нам, юродивым, друг друга обнимать,
Как горько нам, юродивым, вас, мудрых, понимать...

...Вижу Ночь. Лед.
Вижу: Конь Блед.
Вижу: грядет Народ —
Не Плоть, а Скелет.

Вижу: Смел Смог.
Вижу: Огнь Наг.
Вижу:
Человекобог —
Бурят, Грузин, Каряк.

Вижу: Радость – Дым...

Вижу: Ненависть – Дом!
Вижу: Счастье... Над Ним —
Огонь! и за Ним! и в Нем!

Вижу: Разрывы. Смерть.
Слышу: Рвется Нить!
Чую: нам не посметь
Это
Остановить.

...Чучелко мое смоляное,
любименький, жавороночек...
Площадь – срез хурмы под Солнцем!
А я из вьюги, ровно из пеленочек —
На свет Божий прыг!..
А Блаженный-то Васенька
Подарил мне – ревнуй, сопляк! —
вьюжные варежки:
Их напялила – вот ладошки-то и горячие,
А глаза от Солнца круто жмурю,
ибо у меня слезы – зрячие...

...Воля вольная,
Расеюшка хлебосольная —
Черный грузовик во след шины
Пирожок казенный скинул —
Дай, дай полакомлюсь!..
Милость Божья
На бездорожья...
Не обидь меня, не обидь:
Дай есть, дай пить,
А я тебя люблю и так —
Ни за грош ни за пятак —
Дай, дай поцелуйную копеечку...
Не продешеви...
Дай – от сердца деревянного... от железной любви...
Черный грузовик, езжай тише!
Пирожки твои вкусны...
Я меховая богатейка! Я все дерьмо на копеечку скупила!
Я все золотое счастье забыла,
Я широко крестила
Черное поле
Грядущей войны.

Дай, дай угрызть!..
Жизнь... ох, вкусно...

На. Возьми. Подавись. Мне в ней не корысть.

...Лоб мой чистый,
дух мой сильный —
Я вас, люди, всех люблю.
Купол неба мощно-синий
Я вам, люди, подарю.

Вам дитя отдам в подарок.
Вам любимого отдам.
Пусть идет огонь пожара
Волком – по моим следам.

Заночую во сугробе.
Закручу любовь во рву!
В колыбели – и во гробе —
Я – войну – переживу.

И, космата, под вагоном
Продавая плоть свою,
Крикну мертвым миллионам:
Дураки! я вас люблю...

Вы себя поубивали...
Перегрызли... пережгли...
Как кричала – не слышали! —
Я – о бешеной любви!..

Но и в самой язве боли,
В передсмертнейшем хмелю,
Я хриплю: услышь мя... что ли...
Кто живой... тебя – люблю...

ФРЕСКА ВТОРАЯ. НЕБЕСНЫЕ ЗЕРКАЛА

*«Да! Во что-нибудь верить!
в кого-нибудь верить!»*

Ф. М. Достоевский, «Идиот»

ЛЕДОХОД

...льдины плывут по безумной реке,
будто грязной бумаги, смеясь, нарвали.
Сапогами в синий ручей войди.
За спиною церковь
еще не взорвали.
И еще ты не знаешь слов,
что удавкой затянут глотку.
И еще не кромсала на дорогах поминках
норвежскую, злую селедку.
Эти льдины...
на одной ты стоишь и воешь, собака,
Из сияния на полмира, из худого, безвидного мрака,
А за тобою сарай плывет, а за ним – руины храма,
и кренится твоя льдина,
И вместо «сим победиши» ты, плача, шепчешь:
да все, все победимо...
Все неуследимо плывет, уплывает
в ночи на Пасху —
Ну, бормочи, шепчи, повторяй
великую Божью подсказку,
А ты и слова-то забыла!.. с чего начать бы —
С похорон, крестин, родов, а может, со свадьбы?
Эх, чертыхнуться бы!.. —
с ума не сходи, ведь то святотатство:
Льдины плывут, и оно одно только, это богатство,
Грязное серебро, умирающий жемчуг,
бархат, ветрами рытый,
Траченный молью зимний песец,
винной скатертью стол накрытый,
Пьяный певец, хрипотцой царапает,
выгиб венского стула,
Из круглого радио налетает
мощь черного пьяного гула,
Битый хрусталь, гриб на ржавой проволоке,
к ежовой ветке прикручен,
Стекло лиловое, дутое —

еловый мир вымучен и измучен,
Подарен, разбит, подожжен, забыт и склеен,
опять украшен —
Сдобным золотом куполов,
тюрьмою красных кирпичных башен,
А вот и часы наручные —
полоумные стрелки навек застыли:
Кости рук, сочлененья стали, фаланги пыли,
А вот золотая звезда – на верхушку!.. —
праздники, эй, а разница есть между вами?..
Льдины плывут, Рождество уплывает, и тает пламя,
И уплывают Пасхи, войны, рожденья,
любви и смерти,
И только вспомнить блаженное время
едва посмейте —
Тут же со скатерти все сгребут, выкинут на задворки, —
Все: звезды и танки, «прощай молодость» боты,
парчу и опорки,
Пуховки в розовой пудре, трюмо,
мамины бусы коралловой ниткой,
С солью липкий ржаной, синезвездный сервиз,
доски скриплой калитки,
Водку дешевую, «коленвал»,
кою жадно в собачьих подъездах пили,
И ледоход грозный, последний,
а льдины прямо в заморское небо плыли.

«Как метро кофейные мельницы сыплют чернь ...»

Как метро кофейные мельницы сыплют чернь —
где там тело, а где там дух, крепче завари...
все смешалось в доме... а в храме сургуч свечей
не снаружи кладется, а, Господи, изнутри.

Как дерут плащаницу на части – сырой земли? —
дудки!.. камень диких, древних, сухих городов:
суше корки ржаной, слышишь, десны не опали,
не оставь на песке и снегу кровавых следов.

Слишком много нас. Нас поотсыпь-ка в мышинный ларь,
принакрой кладбищенским крепом, в растопку брось!
Или так: толпам плачущих бездну рыбы нажарь,
разломи пять хлебов – и накорми на авось.

Но идут, и бегут, и орут, и блажат, и плывут,
лик под пули суют, а то и спину, и грудь...
Вижу, Господи, раньше времени Страшный Суд

Ты затеял, Отец; да выживем мы как-нибудь.

Не тебе доводится грызть соленый песок?
Не тебе режут горло, башку пихают в петлю?!
А какая разница?.. – твой ледяной висок.
Твоя глотка, хрипящая страшное это «люблю».

Только жизнь у тебя на губах. И пахнет грозой,
и кедровой смолой, и печеной рыбой, и тьмой.
...покури у подъезда, поддатый, кривой-косой,
ведь сейчас позовет тебя Вечная Мать домой.

ОБРИТАЯ САЛОМЕЯ

*...да, ты моя сестра,
сестра сеченная.
Лицо – колодца дыра,
яблоко печеное.
Плюнь в грязное блюдо судного дня.
Конвоем битая,
как в зеркало, глядишь в меня,
Саломея обритая.*

Ты, златовласая сестра,
наотмашь битая конвоем.
Лицо – колодец и дыра,
лишь хрипом заткнутая, воем.

Кого убила? На пирог
кровь пролилась – на сахар снега.
Мы все убийцы. Видит Бог
все швы изнанки человека.

Пустое логово суда
отгрохотало погремушкой.
Присяжных сытый смех. Сюда
лицо повороти, подружка.

Щербинка заячья зубов.
Яйцо обритого затылка.
Халат – на голую любовь.
В кармане голый кус обмылка.

Сверкают золотом виски.
В улыбке скулы выпирают.
И золотятся кулаки,
пока надежда умирает.

Ты в зеркало – в меня – глядишь!
И ты – мне зеркало: до гроба.
Слой серебра. Ты, вошь и мышь,
на лице зри всю ночь утробы.

Измятей черного белья.
Сугробней волчьего предместья.
Смольней смолы. Да, это я —
меня, как зеркало, повесьте
в копченом пиршестве. На дне
чертога в масле и вине.
На досках, в полоумной тьме
Левиафанова барака.
И в нем свое лицо в огне
и пламени – узришь, собака.

Увидишь, волк. Узнаешь, лис.
Покроешься проказой дрожи.
... Меня ты засудил? Молись.
Лепи губами: святой, Боже.

РИМ

Голый свет бьет в глаза. Заголяется мрак.
Обнажается тьма.
Бьет железо в железо, и крошится камень,
и птицы горят
На лету. Вой сирены врачебной режет лоб,
режет край ума —
Не тебя в лазарет везут, под кожу прыскают яд.
Луч летит копьем. И летит навстречу ему копье —
Вот и звездные войны, пока ели-пили,
пошли на взлет.
Человека убили, а на веревке его белье
Все мотается,
и на лешем морозе колом встает.
Я не знаю, как люди живут
в других слепых городах,
В старых сотах,
высохших на горячем свистящем ветру.
Может, так же воют от горя, таблеткою страх
Запивают; целуются так, как олени гложут кору
По зиме.
... Все равно, Марциал, крутись не крутись – умрем!
А пока вижу эту пантерью ночь, этот голый свет
Колизейский, это ристалище:

под фонарем вдвоем
Обнимаются гладиаторы судорожно, напослед, —
Ведь сейчас они выхватят ружья, ножи, мечи,
Поливать огнем друг друга будут из «калаша»...
Голый свет бьет в глаза.
Хоть ори, хоть шепчи, хоть молчи —
Над тобой, раздирая беззвучный рот,
смеется твоя душа.

«ЭТОТ МАЛЬЧИК, ОН ЯВИЛСЯ...»

Этот мальчик, он явился.
Он приходит по ночам.
Пыльной бабочкой забился
Между стекол, между рам.

Он младенец или отрок?
Кто сегодня?.. грудничок.
Кто ему засовы отпер —
Мышь ли, кошка ли, сверчок?

Кто ему... я это знаю.
В рот кулак сую: кусать.
...та веселая, шальная
и несбывшаяся мать.

Ну, ори, реви, катайся
По матрацу-простыне:
Будет до смерти казаться
Призрак жизни мертвой мне.

ТИТАНИК

...Перекручены простыни. И корабль плывет.
И сладчайший сок
На тележке катят,
и пахнет кровью семга, и углем горит икра...
Сколько роскоши, и соль зимней воды
льет и льет со щек,
По губам льет, по шее закинутой,
по всегда, завтра и вчера.
Это просто духи!.. сколько стоят они,
а черт знает нежных их!..
Мне-то все равно,
что на пальцы лить, на седые виски:

А корабль режет носом волну,
ударяет морю в морду, под дых,
И на палубе сдохнуть можно
от сини, ветра и от тоски.
Льется музыка с мостика.
Знатно гуляет, знать, капитан,
Одинок?.. – закадри!.. а женат – соврати!..
... что ты порешь чушь.
Ты плыви и молчи.
Ты хотела жемчужных, песчаных далеких стран —
Так глотай и давись,
ведь в икре столько рыбьих ребячьих душ.
Нерожденных душ.
Человечек, он жрет всю дорогу детей,
Лишь детей —
ведь нежней, теплей, сочней и вкусней они!
Над икрой круизной, крупной
слезы крупные лей,
Над цыплятами табака рыдай,
заливай слезами огни.
Ты – богачка?!
Ах, это всего лишь подачка:
зажарь и сожри любовь! —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.